

МОСКОВСКИЙ ГОСУДРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Башкирова Мария Андреевна

**ОБРАЗ КРЕПОСТИ
В РУССКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ И ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.**

Специальность 5.10.3 – Виды искусства (изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения

Москва — 2024

Диссертация подготовлена на кафедре истории отечественного искусства исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

Седов Владимир Валентинович

доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН,
профессор

Официальные оппоненты:

Чекмарёв Владимир Михайлович

доктор искусствоведения, кафедра Основ архитектуры и художественной коммуникации НИУ МГСУ, профессор

Корндорф Анна Сергеевна

доктор искусствоведения, сектор искусства Нового и Новейшего времени Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Государственный институт искусствознания», ведущий научный сотрудник

Ефимова Елена Анатольевна

кандидат искусствоведения, кафедра истории всеобщей истории искусств исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, доцент

Защита состоится 9 декабря 2024 года в 16 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета МГУ.056.3 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: г. Москва, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4 «Шуваловский», ауд. А419.

E-mail: art@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Ломоносовский просп., д. 27) и на портале:

<https://dissovet.msu.ru/dissertation/3017/>

Автореферат разослан «7» ноября 2024 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат искусствоведения

Е. А. Ефимова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование посвящено одной весьма устойчивой и вариативной тенденции, отчетливо проявившейся в середине и второй половине XVIII в. в русской архитектуре: она выразилась в строительстве многочисленных сооружений, которые имитировали формы крепостной архитектуры при отсутствии реальной необходимости в фортификации. Первые архитектурные подражания гражданской постройки облику крепости появились еще в 1750-е гг., но кульминации интерес к этой теме достигает в екатерининское время, особенно в 1770-е и 1780-е гг. Краткое царствование Павла I вновь активизировало развитие образа крепости в русской архитектуре. Такого рода постройки, объединенные общим образным содержанием, стали **объектом исследования**.

Тематическая общность стилистически и типологически разнообразных архитектурных памятников, стабильно появлявшихся на протяжении середины и всей второй половины XVIII в., позволила проблематизировать их через введение концепта «*образ крепости*», под которым понимается, во-первых, закономерности и механизмы формообразования, позволяющие архитектору воспроизвести – а зрителю узнать – в архитектурном произведении крепостное сооружение, а, во-вторых, сама интенция и комплекс связанных с ней представлений у заказчиков такого рода архитектурных произведений. Образ крепости является **предметом данного исследования**.

В начале работы фокус внимания был направлен в первую очередь на образное содержание памятников екатерининского и павловского времени, преимущественно относящихся к стилю неоготики, что предполагало в основном уточнение прототипов и степень влияния зарубежных неоготических памятников на русскую архитектурную школу последней трети XVIII в.

Однако, было установлено, что гражданские (и церковные) постройки, имитирующие формы фортификации, не только сопутствует неоготическому стилю, но могут существовать в формах других стилей. Таким образом стилистическая идентификация архитектурных подражаний крепости в русской архитектуре XVIII в. ставит под сомнение эффективность проблематизации этого явления через условную дихотомию «классического» и «готического», при которой образ крепости рассматривается как один из маркеров неоготики в целом.

Следование истории русской архитектуры только как истории стилей приводило к тому, что сталкиваясь с необходимостью описать очередное сооружение, очевидно относящееся к стилю классицизм и барокко, но в то же время задуманное как воспроизведение типа бастионной крепости или шато, исследователь оказывался вынужден относить его формы к очень ранним «проблескам» романтических тенденций в русской архитектуре XVIII в. или же вовсе не комментировать интеграцию планировочных схем и элементов крепостной архитектуры в гражданскую (церковную) постройку. В большинстве случаев, подобные проекты специально не анализировались вовсе, оставаясь лишь учтенными в корпусе работ создавшего их архитектора.

Генезис крепостных форм в «готицизирующих» памятниках лишь до некоторой степени может быть удовлетворительно объяснен отсылками к идее реконструкции Московского Кремля в середине 1760-х гг. или турецкими военными кампаниями и их репрезентацией во второй половине 1770 – начале 1780-х гг. Действительно содержащая эти смыслы московская неоготика екатерининского времени, находит себе параллели и аналоги в западноевропейских проектах, которые сегодня исследуются не столько через их стилевую принадлежность, сколько через образное содержание (т.н. «замковый стиль» братьев Адам).

Наконец, немногочисленные и, как представлялось вначале, незначительные памятники елизаветинского и раннего екатерининского времени оказались при более пристальном рассмотрении настолько незаурядными и вовсе не случайными в ряду им подобных, распространившихся во множестве в последней трети XVIII в., что **хронологические рамки исследования** были расширены и в итоге включили всю вторую половину XVIII в.

Формулирование и разработка темы настоящего исследования позволяет рассматривать обширный круг памятников (в том числе до сих пор малоизученных) в «системе координат», которая учитывает как их стилевую принадлежность, так и образное содержание, что позволяет избавиться от «прокрустова ложа» строгой привязки к одному единственному стилю. Введение концепта образа крепости открывает своеобразие этого явления в русской архитектуре, не ограниченного в выборе прототипов и вопросах вкуса.

Выявление памятников, их классификация, описание характерных приемов, посредством которых воспроизведения образа крепости были осуществлены практически, а также наблюдения над историей проблемы в отечественной историографии были нацелены на всестороннее и насколько возможно полное изложение истории имитации крепостных форм в русской гражданской и церковной архитектуре второй половины XVIII в. Демонстрация этого явления как целостной картины разнообразных и взаимосвязанных импульсов и линий развития, обусловленных как творческим методом и масштабом дарования архитектора, так и волей и кругозором заказчика, является **целью исследования**.

Для этого потребовалось решение следующих **задач**:

- выявить и описать характерные черты в планировке и объемно-пространственном решении всех зданий, задуманных как архитектурное воплощение образа крепости/замка.
- очертить круг памятников и выработать подход к их классификации, который отражает особенности процесса становления и развития образа крепости и системы взаимосвязей внутри него.
- проанализировать русскую интерпретацию образа крепости в общеевропейском контексте и определить возможные аналоги, прототипы и заимствования.
- выявить архитектурные особенности воспроизведения образа крепости в России во второй половине XVIII в., а также особенности его восприятия современниками (как заказчиками, так и сторонними наблюдателями) в зеркале мемуаристики и эпистолярного жанра.

Степень научной разработанности темы представляется недостаточной. Сравнения с крепостью/ замком достаточно часто появлялись как в дореволюционной и советской историографии, так и в современных отечественных работах в качестве тропа при описании построек, но сам феномен воспроизведения черт крепостного сооружения в гражданской и церковной архитектуре до конца проблематизирован не был. Образ крепости рассматривался либо как составная часть неоготического стиля (А.А. Аронова¹), либо привлекался при иконологическом анализе отдельных памятников в контексте архитектурных типов «укрепленная вилла» и «укрепленный дворец» (А.Н. Спащанский²), а также в рамках описания семантики парковых ансамблей павловского времени (М.Н.

¹ Аронова А.А. «Нежная готика» Василия Баженова и образ крепости в русской культуре XVIII века // Василий Баженов и греко-готический вкус/ Ред.-сост. Корндорф А.С., Хачатуров С.В. М.: ГИИ, 2019. С. 145.

² Спащанский А.Н. Гатчина во второй половине XVIII века. Рождение резиденции: СПб: Паритет, 2019. С. 80.

Соколов³). Отметим, что тема остается мало разработанной и в западной историографии, хотя сам по себе факт уподобления здания замку отражен в исследованиях иконографии западноевропейской архитектуры («архитектурные метафоры» Г. Бандмана⁴, «замковый стиль» братьев Адам как авторская вариация нового национального стиля у А. Болтона⁵, «символическая архитектура» у Э. Вальдес дель Альмо⁶).

Научную новизну работы обусловило отсутствие специального исследования, в котором был бы сформулирован феномен имитации крепостных элементов в гражданской и церковной архитектуре (то есть вне связи с реальной оборонительной функцией), очерчен круг памятников, разработаны подходы к систематизации материала и предложена концепция их изучения.

Важной частью исследования, которая «уравновесила» общие наблюдения над специфическими формальными паттернами, присущими крепостным реминисценциям, их возникновением и закономерностями развития, стали результаты работы с архивными и музейными фондами, в частности публикация ранее неизвестных документов и графических листов, а также анализ русских памятников в контексте английской, французской и итальянской архитектурных школ, которые ранее либо не привлекались для сравнения, либо не затрагивали проблему образа крепости. В результате были обнаружены ранее неизвестные прототипы и параллели для Эрмитажной Кухни в Царском Селе, конного двора в имении Красное, парадного фасада дворца в Островках, павильонов для празднования Кучук-Кайнарджийского мира на Ходынском поле и построек

³ Соколов М.Н. Три пути в рай. Природа, религия и искусство в пространстве сада: М.: «Страдиз», «Феория», «Минувшее», 2014. С. 611–613.

⁴ Bandmann G. Early Medieval Architecture as bearer of meaning. New York: Columbia University Press, 2005. P. 83.

⁵ Bolton A.T. The architecture of Robert & James Adam (1758-1794): Vol. 2. London: Country Life: George Newnes; New York: Charles Scribner's Sons, 1922. P. 88–98.

⁶ Valdez del Álamo E. The Iconography of Architecture / Routledge Companion to Medieval Iconography, edited by Colum Hourihane, Oxford, New York: Routledge, 2016, P. 377–389.

в Царицыне, «Фермы» в Петровском-Разумовском, предложена новая интерпретация форм Чесменского дворца и Адмиралтейства в Царском Селе.

Кроме того в данном исследовании рассмотрены сооружения, до сих пор остающиеся «на полях» магистральной линии изучения русской архитектуры, несмотря на их высокую историческую ценность (сохранившееся уникальное здание Вифанский семинарии, созданное по заказу митрополита Платона при покровительстве и участии Павла I). Такой подход к проблеме образности в русской архитектуре второй половины XVIII в. обуславливает **актуальность** настоящей работы.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она может быть использована исследователями при дальнейшем изучении различных аспектов русской архитектуры XVIII в., а также в целях развития методологии искусствоведческих исследований в данной области.

Практическая значимость работы в первую очередь видится в привлечении внимания к проблеме сохранности и дальнейшего изучения памятников архитектуры (особенно малых форм), многие из которых в настоящее время находятся в аварийном состоянии. Также она может быть полезна преподавателям при составлении пособий и чтении курсов по истории русской архитектуры

Методологическая основа исследования сочетает ряд подходов, каждый из которых отвечает той или иной задаче. При разработке метода исследования учитывалась история вопроса и его современное состояние.

Иконологический метод позволил осуществить саму постановку проблемы и очертить круг сооружений, ставших объектом данного исследования. Формально-стилистический метод применялся для описания построек и определения их стилевой принадлежности. Для ряда памятников применялся сравнительный формально-стилистический анализ,

направленный на выявление их связи с предполагаемыми западноевропейскими прототипами.

Традиционный «инструментарий» искусствоведческих дисциплин был расширен с привлечением приемов структуралистского анализа, посредством которого стало возможным выявление принципов формообразования в архитектурной практике эпох Просвещения. Композиционные и объемно-пространственные паттерны, которыми пользовались архитекторы при работе над проектом сооружений «в виде» крепости, раскрываются как устойчивые структуры, образованные простым и довольно однообразным набором элементов.

Для описания семантического уровня существования архитектурного произведения и обоснования принципиальной не тождественности образного содержания и стилевой принадлежности был учтен опыт изучения художественной формы Л.С. Выготским, что позволило показать образ крепости как самостоятельную и самоценную художественную форму, к которой прикладывались разнообразные идейные программы заказчиков.

Для анализа последних привлекался историко-культурный подход. Конкретные идейные программы (или исследовательские представления о них), известные для того или иного памятника, а также различные описания и упоминания памятников современниками и базирующиеся на них исследовательские гипотезы были подвергнуты ревизии в целях дополнительного обоснования или же подтверждения сделанных выводов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. На протяжении второй половины XVIII в. в русском архитектурном процессе наблюдается одна устойчивая интенция заказчиков и архитекторов – возведение построек, которые воспроизводили облик крепостного сооружения. Речь идет не о «потешных» крепостях или же

архитектурной теории самой фортификации, но об особом художественном явлении: имитации абстрактной крепости, становящейся темой для нового гражданского, административного или церковного архитектурного сооружения.

2. Подражание крепостной архитектуре в этих сооружениях осуществлялось посредством специфических механизмов архитектурного мимезиса – через воспроизведение характерных композиционных и объемно-пространственных решений, а также путем наделения сооружения конвенциональными смыслами крепости/замка.
3. Каждое из царствований дает свою уникальную интерпретацию образа крепости, соответствующую личности монарха: Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II и Павла I. Кругозор и темперамент монархов играли ключевую роль в реализации подобных архитектурных проектов. Три наиболее значимые эпохи – Елизаветинская, Екатерининская и Павловская – определили логику первичного разделения обширного и неоднородного круга памятников по хронологическому принципу сменяющихся эпох.
4. Все вместе эти сооружения не образуют по-настоящему цельную группу с точки зрения типологии, стиля или функции. В зависимости от эпохи и выбора заказчика в основу того или иного архитектурного проекта мог быть положен образ современной крепости бастионного типа, средневекового феодального замка, шато⁷, темницы, позднее, к ним присоединились попытки реконструкции национальной старины – монастырских оград и городских укреплений. Уподобиться крепости

⁷ Необходимо различить «шато», как загородный дом французского дворянина с регулярным планом и башнеобразными объемами, интегрированным в его структуру, который мог сочетаться с классицизирующим декором фасада, и «шато форт», под которым понимают именно фортификационное сооружение, укрепленное жилище феодала, востребованное до начала раннего Нового времени. В русском языке во второй половине XVIII в. это различие калькировалось: наряду с «замком» (в значении господский дом) встречается словосочетание «крепкий замок» для обозначения именно крепости.

могли самые разнообразные постройки: частные и придворные, увеселительные и хозяйственные сооружения, муниципальные, административные, учебные, пенитенциарные; образ крепости мог принять даже храм. Все эти сооружения несли в себе коннотацию крепости вне зависимости от типологии и функции.

5. Образ крепости не зависит и от деления на стили. Образ крепости мог быть облачен во вполне классические формы и не обязательно нуждался в апелляции к средневековым «древностям»: постройки в неоклассическом стиле были не просто спорадическим экспериментом, а устойчивой линией развития образа крепости.
6. Крепостная архитектура (включая фортификацию Нового времени) стала еще одним (и важным) источником форм, альтернативным по отношению к классической архитектуре ордера, наравне с архитектурой Востока (китайской, мусульманской), готической церковной архитектурой или же с представлениями об архитектуре Древнего мира (хижина друида). Но в отличие от перечисленных стилевых ответвлений, в которых фокус внимания архитекторов и заказчиков был направлен на этнографический и исторический аспекты, образ крепости был обусловлен признанием самоценности инженерного совершенства фортификации как таковой и присущих ей эстетических свойств.
7. Если немногочисленные сооружения на тему крепости бастионного типа середины XVIII в. находят себе лишь одиночные параллели в европейской архитектуре, то заказы Екатерины II и ее окружения явно опирались на прототипы, заимствованные из современной им английской и итальянской архитектурных школ. Особое влияние на русских заказчиков имели архитектурные проекты, относящиеся к т.н. «замковому стилю» братьев Адамов и их мастерской, а также опыт неаполитанских городских празднеств и их декораций («machine»).

8. Представление о воспроизведении османских крепостей в качестве особого рода меморативной практики в русском усадебном строительстве екатерининского времени во всех без исключения проектах не находит подтверждения.

Апробация работы состоялась в рамках российских и международных конференций, а также занятий с абитуриентами на подготовительных курсах:

1. «К проблеме стилового разнообразия крепостных реминисценций в русской архитектуре второй половины XVIII века», Всероссийская научная конференция «Русское искусство. Стил и манера», МГУ им. М.В. Ломоносова, 28 марта 2024.

2. «Морфология образа крепости: заказы екатерининского времени в контексте европейской архитектуры.», Всероссийская научная конференция «Русское искусство. Странствия и возвращение», МГУ им. М.В. Ломоносова, 20 апреля 2024.

3. «Протоиерей Андрей Беляев (1846–1918) – семиолог до Лихачева: к историографии Вифании митрополита Платона», Всероссийская научная конференция молодых ученых «Парадоксы времени: искусство, литература и наука в (не)правильном контексте», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 16 апреля 2023.

4. «Вифанский «Фавор» митрополита Платона: функция, типология и иконография», Международная научная конференция «Актуальные проблемы теории и истории искусства», МГУ им. М.В. Ломоносова, 4 октября 2022.

5. «Иван Старов и русское "дитя Строуберри Хилл"», Всероссийская научная конференция «Русское искусство. Структуры и личности», МГУ им. М.В. Ломоносова, 22 апреля 2022.

6. «Образ крепости и его русские архитектурные воплощения во второй половине XVIII века»,

Всероссийская научная конференция «Русское искусство. Мимезис и утопия», МГУ им. М.В. Ломоносова, 09 апреля 2021.

7. «Вифанский собор митрополита Платона в зеркале русской мемуаристики», Международная научная конференция «Актуальные проблемы теории и истории искусства», Санкт-Петербургский государственный университет, 29 октября 2020.

Ее **достоверность** подтверждает постоянно расширяющийся круг гражданских и церковных построек в виде крепости второй половины XVIII в., чьи проекты становятся известны исследователям.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Данная работа включает Введение, четыре главы основной части, Заключение, Список Литературы и Приложения. Избранные хронологические рамки включают четыре царствования, каждое из которых создало собственный архитектурный образ крепости, конгениальный личности монарха, что и определило структуру работы.

Специфическая неоднородность выявленных памятников, обусловленная как объективными причинами (продолжительность царствования), так и художественными (востребованность крепостных реминисценций в тот или иной период), привела к диспропорции в **структуре** настоящей работы, отражающей тем не менее особенности развития образа крепости в русской архитектуре эпохи Просвещения.

Представляется оптимальным решением с точки зрения удобства структурирования текста включение истории «потешных крепостей» Петра

III в первую главу, посвященную крепостным реминисценциям середины XVIII в., елизаветинского и раннего екатерининского времени.

По этой же причине было предпринято подразделение второй главы, посвященной архитектурным проектам времени Екатерины II, на несколько под-глав в соответствии с **территориальным принципом** («столичная», «московская» и «южнорусская» линии развития), которые в свою очередь подразделяются на параграфы, посвященные наиболее значимым персоналиям (архитекторам и заказчикам). Наравне с названными подразделениями, в целях более компактного изложения особенностей развития темы в эпоху Екатерины II, была обособлена в отдельный параграф и включена в состав второй главы та часть работы, которая посвящена интерпретации образа крепости в стиле классицизма.

IV глава настоящего исследования полностью посвящена специфической, «подсобной», области в русской архитектуре означенного периода, являвшейся побочной по отношению к магистральной линии ее развития: в ней были рассмотрены здания тюрем и исправительных учреждений, казарм, различных подсобных построек, монастырских и церковных оград, а также попыток «реставрировать» памятники древнерусской фортификации во второй половине XVIII в.

Такой принцип построения текста следует самой истории образа крепости в русской архитектуре XVIII в. как единого, непрерывного процесса, который, однако, демонстрирует новые аспекты на каждом следующем этапе развития.

Введение включает историографию, изложение целей и задач, теоретическое обоснование вводимого понятия «образ крепости», которое раскрывается как специфический надстилевой «паттерн» в формообразовании, включающий устойчивые композиционные и объемно-

пространственные схемы, посредством которых могли быть имитированы черты крепостного сооружения.

В этой части работы приведен обзор корпуса упоминаний крепости/ замка авторами второй половины XVIII в.; подробно рассмотрены предпосылки сложения образа крепости как проблемы изучения русской архитектуры, начиная от исследований дореволюционных авторов и заканчивая новейшими работами современных искусствоведов; описаны принципы классификации выделенных в качестве объекта исследования памятников и обоснован подход к структуре работы.

В разделе, посвященном истории вопроса, показано, что семантический анализ крепостных реминисценций в архитектуре эпохи Просвещения, начиная с дореволюционных работ касался в первую очередь памятников неоготики – так что со временем в отечественной историографии устоялось представление о тождественности образа и стиля. Изложены наиболее влиятельные гипотезы относительно возникновения крепостных реминисценций екатерининского времени (влияние форм Московского Кремля, меморативная функция усадеб, принадлежащих бенефициарам Русско-турецких войн).

В качестве фундаментальных работ по истории вопроса выделены работы исследователей архитектуры эпохи Просвещения Е.А. Тартаковской, В.В. Згуры, А.Т. Болтона, М.А. Ильина, И.Э. Грабаря, Г.И. Гунькина, Л.В. Андреевой, Т.А. Каждан, А.Н. Спащанского, М.В. Чекмарёва, Д.О. Швидковского, А.С. Корндорф.

Первый этап изучения образа крепости как особого явления в русском архитектурном процессе екатерининского времени составили монографические статьи Е.А. Тартаковской⁸ и В.В. Згуры 1920-х гг.⁹, в

⁸ *Тартаковская Е.А.* Чесменский дворец // Изобразительное искусство. Л.: Academia, 1927. С. 171–193.

⁹ *Згура В.В.* Новые памятники псевдоготике // Сборник общества изучения русской усадьбы. 1927. № 1. С. 1–4.

которых высказаны наблюдения над идейными программами некоторых памятников екатерининской неоготики, отсылающих к крепостным формам, а также проанализирован процесс интеграции фортификационных элементов и схем в усадебном строительстве. Е.А. Тартаковской в частности впервые названы предполагаемые английские прототипы для Чесменского дворца Екатерины II. Следует отметить, что параллельно с публикациями Е.А. Тартаковской и В.В. Згуры, британский искусствовед А. Болтон¹⁰ опубликовал исследование творчества братьев Адамов, в котором сформулировал и описал т.н. «замковый стиль» внутри наследия архитекторов.

Следующий этап связан с московской школой искусствознания и новыми подходами к интерпретации крепостных черт в архитектуре екатерининского времени: в середине – второй половине XX в. благодаря работам М.А. Ильина¹¹, И.Э. Грабаря и Г.И. Гунькина¹², Л.В. Андреевой¹³ возникает и развивается гипотеза о влиянии Московского Кремля на неоготическую архитектуру 1770-х – 1780-х гг. В 1960-е гг. Т.А. Каждан¹⁴ исследовала южнорусскую линию развития образа крепости в строительных заказах П.А. Румянцева-Задунайского, также привлекая для сравнения творчество братьев Адамов.

Начиная с 2000-х гг. в современных исследованиях с одной стороны прослеживается «источниковедческая» тенденция к углубленному изучению западноевропейских влияний на русскую архитектуру

¹⁰ Bolton A.T. The architecture of Robert & James Adam (1758-1794): Vol. 2. London: Country Life: George Newnes; New York : Charles Scribner's Sons, 1922.

¹¹ Ильин М.А. Архитектура русской усадьбы / История русского искусства. Т. VI. Под общ. ред. Грабаря И.Э., Кеменова В.С., Лазарева В.Н. М.: Академия наук, 1961. С. 314.

¹² Гунькин Г.И. Основоположники русского классицизма. В.И. Баженов / История русского искусства. Т. VI. Под общ. ред. Грабаря И.Э., Кеменова В.С., Лазарева В.Н. М.: Академия наук, 1961. С. 85–129.

¹³ Андреева Л.В. Царицыно Баженова – императорская подмосковная резиденция. Диалог с древними строениями московского Кремля// Царицынский научный вестник; сост. Карпов В.Д. М.: «Царицыно» 1993. С. 66–74.

¹⁴ Каждан Т.П. Архитектурные памятники XVIII века в селе Вишенки // Ежегодник Института истории искусств, 1960. С. 149–179.

екатерининского времени, а с другой – стремление к иконологическому анализу архитектурных памятников и их образного содержания через интерпретацию идейных программ (В.М. Чекмарёв¹⁵, Д.О. Швидковский¹⁶, А.С. Корндорф¹⁷, А.Н. Спащанский¹⁸).

Первая глава («Крепостные реминисценции в русских загородных ансамблях середины XVIII в.: от «потешной крепости» к образу крепости») посвящена воспроизведениям образа крепости в архитектуре елизаветинского и раннего екатерининского времени, которые никогда специально не рассматривалась в контексте архитектурной иконологии и проблемы имитации фортификационных элементов. В нее вошел экскурс в историю изучения Петерштадта и обосновано разделение феномена «потешной крепости» и собственно архитектурного сооружения, созданного в подражание крепости/замку.

Тем не менее Екатеринбург и Петерштадт Петра III в Ораниенбауме показаны как своего рода «предтечи» образа крепости, инспирировавшие первое сооружение такого рода в России – Царскосельского Зверинца Ф.-Б. Растрелли (отметим, это был архитектурный оммаж крепости бастионного типа). Это вполне самобытное сооружение не находит прототипов в европейской архитектуре. Отчасти параллелью, но не прямыми образцами, ему могут служить проекты архитекторов Дж. Б. Сантини и Б.-К. Анкермана.

¹⁵ Чекмарёв В.М. Архитектурное наследие британцев в России. 1556 – 1941 г. М.: Издательский дом Тончу, 2022; Чекмарёв В.М. Русско-английские связи в садово-парковом искусстве: Т. 1. М.: Либроком, 2019.

¹⁶ Швидковский Д.О. Russian architecture and the West: London : Yale univ. press, cop. 2007. P. 279; Швидковский Д.О., Шорбан Е.А. Англицизмы в русской провинциальной усадьбе // Пинакотекa, N. 18-19(1-2) /2004: С. 202–209; Швидковский Д.О. Архитектура русского классицизма в эпоху Екатерины Великой: М.: Архитектура-С, 2016. С. 122.

¹⁷ Корндорф А.С. Между «ordine» и «сарциccio». Готическая архитектура в театре «Просвещения» // Готика Просвещения/ Фонд In Artibus; Музей архитектуры имени А.В. Щусева. М.: InArtibus, 2017. С. 186–238.

¹⁸ Спащанский А.Н. Гатчина во второй половине XVIII века. Рождение резиденции: СПб: Паритет, 2019.

Производными от идеи Растрелли представляются менее масштабные постройки в усадебных ансамблях конца 1750-х и 1760-х гг. под Москвой и Санкт-Петербургом (Стояново, дача Бестужевой на Каменном острове, Кусково).

Главной особенностью образа крепости этого времени является его воплощение в формах позднего барокко и рококо, а также ориентация на формы крепости бастионного типа, лишенной каких-либо средневековых и национальных коннотаций. Расположение такого рода сооружений на границе загородного ансамбля повторяет планировку города Нового времени.

Вторая глава («Образ крепости в русской архитектуре последней трети XVIII в.: Рыцарская мифология Екатерины II») посвящена различным сооружениям, изображающим крепость или замок, которые были заказаны Екатериной II и ее сподвижниками, в первую очередь Г.А. Потемкиным–Таврическим и П.А. Румянцевым–Задунайским.

Личный выбор Екатерины II как заказчицы рассматривается в качестве реперной точки развития образа крепости в русской архитектуре эпохи Просвещения. Увлечение императрицы английским пейзажным парком послужило импульсом к насаждению неоготического стиля в загородной архитектуре, а также сложению московской вариации этого направления (творчество В.И. Баженова, М.Ф. Казакова).

Тем не менее обращение к английским образцам произошло не сразу. Ему предшествовали ряд заказов павильонов–замков для праздничных иллюминаций, а также строительство Гатчинского дворца по образцу итальянских укрепленных палаццо во второй половине 1760-х гг.

В 1770-е гг. Екатерина II заказывает несколько проектов Ю. Фельтену и отцу и сыну Нееловым в духе английских «folly castle». Параллельно она конструирует официальный «миф» Русско-турецких военных кампаний,

который включает введение новой титулатуры для ее героев, воспроизведение топографии вновь присоединенных губерний в архитектуре усадеб и городских праздников, архитектурные аллюзии на тему крепости. Екатерина II насаждает образ крепости в Москве посредством ряда архитектурных заказов около 1775 г. Роль английских архитектурных образцов в этот период велико, однако, Екатерина II и В.И. Баженова опирались и на опыт итальянской, в первую очередь, неаполитанской архитектуры. Идея архитектурных декораций Ходынского поля скорее всего была заимствована в Неаполитанском королевстве и городских праздниках династии Бурбонов при посредничестве И.И. Шувалова.

Интересной особенностью «московской» линии развития стала, во-первых, особая отзывчивость на предложенные новации, благодаря которой новый неоготический вариант стиля (Царицыно, Петровский подъездной дворец) был развит в рядовом усадебном строительстве вокруг Москвы и в других губерниях, а также большая самостоятельность в обработке предложенных европейских прототипов. Фактически специфику «московской» линии развития определили не пристрастия заказчиков, как это было в столичной линии развития, а творчески поиски В.И. Баженова и его ученика и сотрудника М.Ф. Казакова.

В же время франкофильская ориентация московских заказчиков породили ряд сооружений с угловыми башнями и регулярным планом в стиле классицизм, отсылающих к типу французского загородного особняка эпохи Возрождения и Нового времени (шато), что демонстрирует наравне с открытостью к новым художественным импульсам, устойчивость их вкусовых пристрастий.

Но классицизирующие вариации на тему крепости в екатерининское время возникали не только в Москве. В Санкт-Петербурге и под Псковом

строились загородные дворцы, муниципальные и полковые сооружения, подражающие формам укрепленного палаццо по проектам Дж. Кваренги.

Лояльность монархине П.А. Румянцев-Задунайский выразил в строительстве своих малороссийских резиденций. Эта группа заказов образовала небольшую стилистическую целостность внутри всего периода, наравне с основными художественными центрами, Москвой и Санкт-Петербургом.

Образ крепости екатерининского времени не столько апеллирует к западноевропейской архитектуре, сколько опирается на заимствованные рецепты их архитектурного воплощения. Особого внимания заслуживают многочисленные параллели с интерпретацией национального стиля в творчестве братьев Адамов (т.н. «замковый стиль»), которые развивается как раз в последней трети XVIII в., разрабатывая схожие композиционные схемы и декоративные приемы, которые есть в наиболее оригинальных и совершенных проектах В.И. Баженова и М.Ф. Казакова, И.Е. Старова, И.В. Неелова. Существование этих прототипов не умаляет значения проектов русских архитекторов, а напротив обогащает понимание их генезиса и настоящего исторического контекста.

Третья глава («Образ крепости в русской архитектуре конца XVIII в.: новые смыслы») посвящена образу крепости в заказах Павла I и его окружения. Данный период показан как краткий, но чрезвычайно интенсивный этап в истории развития образа крепости.

Интересной особенностью павловских заказов стала принципиальная «сепарация» от образцов «готицизирующих» замков, утвердившихся в царствование его матери. Император ориентировался на архитектуру укрепленных палаццо и французских загородных замков Нового времени, учитывались и путевые впечатления по германским землям и Альпам.

Ко времени правления Павла I стало понятно, что требуются новые формы и смыслы, которые и были реализованы в заказах императора, в которых исследователи опознают предромантические тенденции. Но, думается, к концу XVIII в. вопрос «как будет реализован архитектурный проект на тему крепости/замка», основной для предыдущего периода (времени, когда русские заказчики и архитектор открывали для себя новые образцы), уступил место желанию реализовать архитектурный проект как манифест мировоззрения заказчика.

В провинциальных усадьбах строятся обширные ограды и экономии с башнями (Андреевская крепость в Алексине, Сабуровская крепость, ограда усадьбы Безбородко в Дмитровске под Брянском), свидетельствующие о постепенном изживании архитектурного языка екатерининского времени.

Такие сооружения, как Михайловский замок Павла I и Вифанский семинарский замок, созданный им же в сотрудничестве с митрополитом Платоном, подытожили «архитектурные высказывания» на тему крепости во второй половине XVIII в., соединив сложную, глубокомысленную идейную программу, разработанную заказчиками, и опыт формальных поисков всего периода.

Особый акцент сделан на историографии Вифанской семинарии: подробно рассмотрены труды протоиер. А.А. Беляева 1890-х–1900-х гг., который не только собрал сведения по истории, но и проанализировал идейную программу и образное содержание этого сооружения, предвосхитив иконологический метод исследования архитектуры и семиотику садово-паркового искусства Д.С. Лихачева. Благодаря (ныне забытым) работам А.А. Беляева была установлена уникальная роль этого сооружения, аккумулировавшего идейные и художественные поиски эпохи.

Четвертая глава (««Эрзац-крепость» в русской архитектуре последней трети XVIII века») отведена анализу сооружений,

сосуществовавших с «большой» архитектурой, питавшейся ее идеями, но в силу сословной принадлежности ее заказчиков (церковь, старообрядческие общины) или же специфической области применения («реставрация» средневековых памятников, тюремной острог, пороховой склад и т.п.) выделенных в особую группу памятников. В целом однообразная с точки зрения формальных решений, она тем не менее содержит ряд изящных сооружений, которые свидетельствуют о творчески усвоенных образцах московской неоготики (ограда церкви в имении Диево-Городище и Покровской церкви в Твери, т.н. «Одоевская» башня Тульского Кремля, рабочий дом в Твери).

Обширный и разнородный материал рассмотрен с точки зрения функциональности. Особое внимание уделено архитектуре тюремных зданий екатерининского времени (тюремный замок на Крюковом канале И.Е. Старова, Бутырский замок М.Ф. Казакова).

В частности проекты Казакова рассмотрены в связи с проектами аналогичных построек того же времени, созданных в мастерской братьев Адамов. Прослеживаются четкие композиционные, планировочные и стилистические параллели, что позволило выдвинуть предположение о влиянии английских образцов и на эту область русской архитектуры екатерининского времени.

В Заключении подытожены выводы, сделанные в основной части, и обосновываются выносимые на защиту положения.

Образ крепости возникает в России в середине XVIII в., в царствование Елизаветы Петровны. Первым сооружением такого рода стала ограда Зверинца в Царском Селе Ф.-Б. Растрелли, замысел которого был скорее всего инициирован строительством «потешных крепостей» при малом дворе Петра III в Ораниенбауме.

Таким образом, к тому времени, когда Екатерина II увлеклась идеей создания сооружений, изображающих крепость или замок, подобные архитектурные образы фортификации в формах барокко и рококо уже были в русских загородных ансамблях.

В екатерининское время образ крепости в русской архитектуре находит себе множество параллелей в английской архитектурной школе, особенно созвучен он с «замковым стилем» братьев Адам. Английские образцы в знак лояльности императрицы переняли и главные герои Русско-турецких войн – Г.А. Потемкин–Таврический и П.А. Румянцев–Задунайский. Первая половина 1770-х гг. отмечена зависимостью от английских «folly castles» и неоготического стиля.

В то же время итальянская позднебарочное декорационное искусство и архитектура становятся источником для ряда императорских заказов, в частности построенных В.И. Баженовым павильонов, предназначенных для празднования Кучук-Кайнарджийского мира в Москве в 1775 г. В этом проекте отчетливо прослеживается влияние традиций оформления неаполитанского городского праздника Нового времени.

Со второй половины 1770-х и до конца 1780-х гг. В.И. Баженов, И.Е. Старов, М.Ф. Казаков, Н. Легран, И.В. Неелов, Дж. Кваренги в диалоге с крепостными реминисценциями английской, итальянской, а также французской архитектурных школ создают вполне самобытные проекты, которые составили основу русского образа крепости времени Екатерины II. Важной составляющей русского образа крепости в означенный период стали его классицистические интерпретации, сосуществовавшие вместе с неоготическими. Ансамбль Ходынских павильонов для празднования Кучук-Кайнарджийского мира 1775 г., Царицыно и Петровский подъездной дворец, здание Кригскомиссариата, дворец в Островках и Баболовском парке, дворец в Велье следует выделить в качестве наиболее совершенных

архитектурных памятников эпохи, в которых были имитированы крепостные элементы.

В последней трети XVIII в. образ крепости занимает еще одну нишу в русском архитектурном процессе, будучи востребован в церковном и монастырском строительстве. Функционально являясь церковной или монастырской оградой, такие «эрзац-крепости» воспроизводили традиционную крепостную структуру. Наметившаяся в это время тенденция реконструировать (поновлять) древнерусские памятники фортификации также восприняла неоготические формы, найденные «большой» архитектурой. Еще одной областью применения образа крепости стала реформированная Екатериной II пенитенциарная система Российской Империи и различные подсобные сооружения (пороховые склады, казармы).

В эпоху Павла I образа крепости получает новый импульс к активному развитию. Это период отмечен новыми формальными решениями: появляются предромантические тенденции, апеллирующие к европейским континентальным прототипам, замкам Франции и Германии, растут масштабы построек.

Одним из самых ярких и оригинальных памятников этого периода является уникальный Вифанский семинарский замок в подмосковном Спасо-Вифанском монастыре, основанном митрополитом Платоном при участии Павла I. В начале XX в. церковный историк и богослов протоиерей А.А. Беляевым создан культурно-исторический нарратив Вифании, незаслуженно забытый, как и сам объект исследования.

Косвенно проблема подражания архитектурного сооружения крепостным формам (при отсутствии реальной фортификационной функциональности) обозначилась в отечественном искусствознании еще в начале XX в. Хотя крепостные реминисценции проникают в русскую архитектуру еще в Елизаветинскую эпоху, период расцвета русского

барокко, в историографии русской архитектуры эпохи Просвещения образ крепости стал трактоваться как примета и в то же время средство выразительности неоготики. То обстоятельство, что параллельно с архитектурными оммажами замку в неоготическом стиле существовали классические вариации на тему крепости до сих пор оставалось без внимания и специального исследования.

Между тем вне зависимости от стиля и идейной программы того или иного сооружения, воспроизводящего образ крепости, его проекту предшествовала одна и та же интенция заказчика – воспроизведение вырванных из естественного функционального контекста крепостных форм и перенесение их в чуждую пространственную и культурную среду. Образ крепости сам по себе становился объектом, в котором стиль мог проявиться в соответствии с выбором заказчика. Таким образом постройка, изображающая крепостное сооружение, может отражать как индивидуальный почерк архитектора (или предпочтения владельца), так и черты стилевого направления в целом – барокко и рококо, классицизма, неоготики или романтических тенденций.

Идейное содержание этих сооружений составляет безусловно интересную проблему, но относится ко вспомогательной (в данном случае) области культурологии. Сущностным же является проблема художественной формы: как именно конструируется облик крепостного сооружения в гражданской и церковной архитектуре, какие образцы избирают создатели, как развивается тенденция со временем. Стилиевая классификация оказывается не эффективной, применительно к такого рода памятникам, порой затемняя историю создания и объективный контекст.

Архитектурный оммаж крепости/замку эпохи Просвещения в России, за редким исключением (декорации празднования Кучук-Кайнарджийского мира) реализовывался как копия без образца. Когда-то функционально обусловленные, но ставшие со временем символическими формы

превращались в объект архитектурной имитации и эстетизации, причем оказались востребованы во множестве областей заказчиками, принадлежащими к разным социальным стратам и даже сословиям.

Тенденция строить здания, изображающие крепость, развилась в России во второй половине XVIII в. и стала своеобразным признанием архитектурного совершенства крепостной архитектуры, способной составить альтернативу другим художественным системам (классике, неоготике, ориентализму).

Первоначально воспринятый как затейливый мотив, легко воспроизводимый через довольно простые и легко узнаваемые композиционные схемы, образ крепости стал одной из самых ярких тенденций в русской архитектуре эпохи Просвещения, воплотившись в разнообразных и многочисленных постройках.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

Научные статьи, опубликованные в журналах Scopus, WoS, RSCI и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ:

1. Башкирова М.А. Вифания митрополита Платона в зеркале русского романтизма // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 12 / Под ред. Захаровой А.В., Мальцевой С.В., Станюкович-Денисовой Е.Ю. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 328–341 (1,1 п.л.; импакт-фактор SJR: 0,19).
2. Башкирова М.А. Проповедующая архитектура: Спасо-Вифанская обитель митрополита Платона // Художественная культура (Art&Culture Studies). Электронный рецензируемый научный журнал Государственного института искусствознания. 2023. № 2. С. 324–353 (1,2 п.л.; импакт-фактор РИНЦ: 0,33).

3. Башкирова М.А. Образ крепости в русской архитектуре последней трети XVIII в.: история вопроса и проблема метода // Вестник МГУ. Серия 8: История. 2024. Т. 65, № 2. С. 179–191 (0,68 п.л.; импакт-фактор РИНЦ: 0,17).
4. Башкирова М.А. Образ крепости в составе русских загородных ансамблей середины XVIII века // Academia. Архитектура и строительство. 2024. № 1. С. 20–24 (0,42 п.л.; импакт-фактор РИНЦ: 0,64).
5. Башкирова М.А. Вифанский «Фавор» митрополита Платона: типология, функция, иконография // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 13 / Под ред. Захаровой А.В., Мальцевой С.В., Станюкович-Денисовой Е.Ю. МГУ имени М. В. Ломоносова / СПб: НП-Принт, 2023. С. 628–640. (0,91 п.л.; импакт-фактор SJR: 0,19).

Иные публикации:

6. Башкирова М.А. Образ крепости и его русские архитектурные воплощения во второй половине XVIII века // Русское искусство. Т. III. Мимезис и утопия. СПб: Алетейя, 2022. С. 41–58 (0,86 п.л.; импакт-фактор отсутствует).
7. Башкирова М.А. Иван Старов и русское «дитя» Строуберри Хилл // Русское искусство. Т. IV. Структуры и личности. СПб: Алетейя, 2023. С. 19–31 (0,64 п.л.; импакт-фактор отсутствует).
8. Башкирова М.А. Праздник в Москве и праздник в Неаполе: к проблеме происхождения крепостных реминисценций в Ходынских павильонах 1775 года // Русское искусство. Т. V. Странствие и возвращение. СПб: Алетейя, 2024. С. 66–89 (1 п.л.; импакт-фактор отсутствует).